

В.В. ЯНЦЕН (Галле)

**ОБ ИРРАЦИОНАЛЬНОМ В ИСТОРИИ.
БИОГРАФИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ К ПЕРЕПИСКЕ
С.Л. ФРАНКА И Д.И. ЧИЖЕВСКОГО (1932–1937, 1947 гг.)**

Онтологический анализ формальной этики показывает, что с ее точки зрения игнорируется индивидуальность и индивидуальное бытие личности. Закон, значимый для всех, равнодушен к тому, кто его осуществляет, индивидуальность растворяется в надиндивидуальном, личное – в безличном, индивидуальное бытие утрачивает смысл.

Д.И. ЧИЖЕВСКИЙ

Предлагаемая вниманию читателя переписка между русским религиозным философом С.Л. Франком (1877–1950) и русско-украинским философом и славистом Д.И. Чижевским (1894–1977) к основной теме сборника имеет весьма косвенное отношение: Франк жил и работал в Берлине в это сложное время и именно об этом периоде его биографии сохранилось сравнительно мало аутентичных источников, а Чижевского, ставшего в 1932 г. лектором русского языка в городе Галле, и с русским, и с украинским, и с немецким Берлином связывали как обширные личные знакомства, так и регулярные выездные доклады, литературные обязательства, а также экскурсии в русские церкви в Берлине, которые он организовывал для слушателей своих лекционных курсов.

Обширная тема «иррационального» в истории (в нашем случае – не в теории, а в биографиях двух замечательных мыслителей) в рамках предисловия к их переписке может быть только намечена и, несомненно, требует дальнейших размышлений. Тематически и хронологически эта переписка освещает лишь незначительную часть личного и эпистолярного

общения корреспондентов, являясь своего рода «мозаикой», требующей дополнения из других, доступных на сегодняшний день, источников.

Франк и Чижевский познакомились в 1912 г. в Петербурге задолго до эмиграции и своего более тесного общения в Берлине. В 1911–1913 гг. Чижевский изучал математику и астрономию в Санкт-Петербургском университете, посещая одновременно и лекции на кафедре философии, преподавателями которой тогда были Введенский, Лосский, Лапшин, а с мая 1912 г. и Франк. Весной 1913 г. по состоянию здоровья Чижевский вынужден был покинуть Петербург и перевестись на историко-филологическое отделение Киевского университета, где занимался философией и славистикой до 1919 г. Вот что сообщает он Татьяне Сергеевне Франк о своем первом знакомстве с ее мужем: «Писал ли я Вам, что я был на вступительной лекции С<емена> Л<юдвиговича> в Петербургском университете в 1913 г. (зимой 12–13 г.), позже напечатанной в Р<усской> М<ысли>, а затем слушал его курс истории этики, из которого многое помню до сих пор. А С<емен> Л<юдвигович> меня забыл. Между тем<,> на 2–3 лекциях я был только вдвоем с каким-то совершенно противоположного вида господином: я был мальчиком 17 лет и выглядел еще моложе, а “господин” был мрачный, лысый с “ницшеанскими” усами. К сожалению, не дослушал курса: перед Пасхой не смог больше выносить петербургского климата. И уехал домой, а потом перевелся в Киев: хуже университет, но теплее. И С<емена> Л<юдвиговича> встретил уже только в Германии»¹. Т.С. Франк, однако, усомнилась в правильности хронологии событий, излагаемых в письме Чижевского: «Вступительная лекция С<емена> Л<юдвиговича> была не в 1913 г., а в 1915, в 13-ом году мы были в Марбурге и вернулись в Петербург только осенью 14-ого года»².

Но Чижевский настаивает на своем: «Вы ошибаетесь, когда пишете, что в 1913 году я не мог слушать лекций С<емена> Л<юдвиговича> (в весеннем семестре): это был мой последний семестр в Петербурге и поэтому память мне изменить не могла. Я слышал и вступительную лекцию С<емена> Л<юдвиговича>, позже напечатанную в “Русской Мысли”. Вероят-

но, Вы тогда уехали за границу только весной. С«мен» Л«юд-
вигович» читал историю этики в весеннем семестре (январь –
март – начало апреля)»³.

Следующая встреча Франка и Чижевского состоялась уже в Берлине в 1925 г. при следующих обстоятельствах.

Чижевский, бежавший из заключения в Киеве в 1921 г., эмигрировал в Германию, завершил свое философское образование в Гейдельберге у Риккерта и Ясперса (1921–1922), а затем во Фрейбурге у Гуссерля, Хайдеггера и Кронера (1922–1924) и был в это время доцентом и временным заведующим кафедрой философии Украинского высшего педагогического института им. Драгоманова в Праге. Но, занимая эту должность, он не имел ученой степени и должен был срочно готовиться к защите магистерской диссертации. Письма Чижевского за 20-е годы (особенно к Б.И. Николаевскому и к Г.В. Флоровскому) свидетельствуют о том, что все свободное от преподавания в Праге время он проводил в Германии, постоянно останавливаясь во Фрейбурге в Брейсгау и уже оттуда совершая поездки по другим городам Германии. В начале 20-х годов он был активным деятелем меньшевистской Заграничной делегации РСДРП, сотрудничал с «Социалистическим вестником» и другими эмигрантскими и немецкими периодическими изданиями, редакции которых находились в Берлине. В Берлине же с 1926 г. располагались Украинский научный институт и Институт славистики, с директорами которых – Д.И. Дорошенко и М. Фасмером – он был в дружеских отношениях. Поэтому неудивительно, что именно Берлин стал одним из наиболее часто посещаемых им германских городов, с окончательным переездом в который он связывал большие надежды на будущее. Прага не располагала тогда еще собраниями славянских и немецких изданий, необходимых Чижевскому для его историко-философских исследований. Были и другие причины, по которым научная квалификация и академическая карьера Чижевского в высших украинских учебных заведениях Праги оказались под угрозой. В своем письме от 28 июля 1925 г. к товарищу по партии, историку и архивисту Б.И. Николаевскому Чижевский описывает их очень подробно:

«Дорогой Борис Иванович! Все время — уже около 5-6 <раз> собирался в Берлин и думал с Вами там встретиться. Наконец приехал в Германию, но на посещение Берлина не хватило времени, а главное денег. М<ожет> б<ыть>, только на обратном пути в Прагу мне удастся попасть и в Берлин. Тем более, что мне и по академическим обстоятельствам очень бы нужно было там побывать. Прага очень мне надоела и, в значительной степени, как гнездо всякого черносотенства, интриг и весьма грязной политической “жизни”. Из тов<арищей> за время моего пребывания в Праге там никто не был. Я держу себя совершенно пассивно, т<ак> к<ак> полагаю, что в таком чисто эмигрантском клубке интриганства и политиканства *имя РСДРП лучше не произносить*. <...> Я лично все время очень рвусь из Праги. Вел кое-какую переписку с Берлином. Но пока из всех возможностей ничего не вышло и, вероятно, к сожалению, придется еще и на зиму остаться в Праге. Во всяком случае, поскольку вопрос еще окончательно не выяснен, не исключено, что я в один прекрасный день перекочую в Берлин из Праги, чего мне хотелось бы очень и очень. Собственно, и для научной работы Прага очень мало подходящий город (тем более для моей работы над Гегелем и гегельянцами). У украинцев, правда, нет черносотенства, но есть другое, о чем несколько слов ниже. <...> При сем случае я хотел бы Вам сообщить (*пока конфиденциально*) о следующем случае, который вообще приближает момент моего ухода из Украинского Педагогического Института, в котором я сейчас читаю. Очень возможно, что мне придется в более или менее близком будущем начать кампанию, о которой, мне кажется, нужно, чтобы был *кто-нибудь* из тов<арищей> осведомлен, и я прошу Вас быть в этом случае моим поверенным (т<о> е<сть> пока прочесть прилагаемый документ и сохранить его у себя). — Ко мне обратился Пражский Укр<аинский> У<ниверсите>т с предложением также читать у них лекции. Как полагается, я подал соответствующее заявление и рукописи работ (кот<орые> еще не были сданы в печать). В ответ на это ко мне явилась делегация из профессоров филос<офско>го факультета с сообщением, что для факультета препятствием является тот факт, что я являюсь членом *русской* партии (все

русские партии враждебны, мол, украинцам), и было сделано, правда, в форме намеков, предложение из партии выйти, т<ак> к<ак>, мол, против меня в прессе выдвигаются обвинения (действительно, 2–3 анонимных статьи ругательного содержания были). Я ответил, конечно, в письменной форме, что считаю вообще невозможным вести с факультетом какие бы то ни было переговоры на политические темы и потому кандидатуру мою снимаю. — В ответ на это я получил письмо, перевод которого и прилагаю (подлинник сохраняется у меня), на которое я дал (в письменной форме) надлежащую отповедь — главным образом по поводу “заграничной партии” (ссылка на чешские законы хороша — чехи, конечно, запрещают принадлежность чеха ко внечешской партии — государственно внечешской, а не — национально...). Как видите, я вообще накануне окончательного разрыва с Прагой, — ни в одно русское пражское учреждение, ввиду господствующего в них гомерического черносотенства, я, конечно, не пойду. Во всяком случае, я просил бы Вас пока об этой истории молчать, — я хочу выступить с нею в тот момент, какой будет наиболее удобным для меня. Очевидно в качестве поля для препирательств с украинцами придется выбрать все же “Дни”»⁴.

Решив сдавать магистерские экзамены и защищать диссертацию не в Праге, а в Берлине, в Русском научном институте, ведущая роль в котором в это время принадлежала Франку, Чижевский попросил у Н.О. Лосского рекомендательное письмо к Франку. Такое письмо было написано Лосским 14 июля 1925 г.: «Дорогой Семен Людвигович, к Вам скоро явится молодой человек, Дмитрий Иванович Чижевский. Он собирается держать экзамен по философии на степень магистра в Вашей группе. Это очень образованный, весьма солидный магистрант. Мне даже жаль, что он не держит экзамена в Праге. С ним приятно будет иметь дело на экзамене»⁵. Судя по письмам Чижевского к Г.В. Флоровскому, план подготовки к защите магистерской диссертации в Берлине был реализован лишь частично:⁶ сдан экзамен и написана диссертация «О формализме в этике», замечательно объединявшая традиции современной русской и немецкой философии. Однако полная ее публикация не состоялась и для исследователей рус-

ской философии она осталась почти неизвестной⁷. По опубликованным ее частям⁸ и кратким упоминаниям ее в переписке Чижевского все же можно судить об определенном влиянии на него идей Франка⁹, Гуссерля¹⁰, Хайдеггера¹¹ и Шелера¹². Для чижевсковедов эта работа представляет огромный интерес, так как «критика этического формализма» — не только забытая центральная тема творчества Чижевского, но и своеобразный ключ к пониманию его биографии. Большое влияние на работы Чижевского оказал также доклад Франка в берлинском Кантовском обществе «Русское мировоззрение»¹³ (1925): размышления о связи философии с национальным характером и диалектике национального и общечеловеческого в философском развитии стали неотъемлемой составной частью историко-философских исследований Чижевского.

Свидетельств о контактах Франка и Чижевского во второй половине 20-х — начале 30-х годов почти не сохранилось. Но не может быть сомнения в том, что такие контакты продолжались. Чижевский неизменно упоминает в эти годы Франка в своих обзорах современной русской философии, указывает на его новые работы в письмах к Г. В. Флоровскому, а в его личной библиотеке в Галле имеется книга Франка «Духовные основы общества: Введение в социальную философию» (1930) с посвящением автора¹⁴. Отсутствие документальных подтверждений этих контактов может быть связано с тем, что для Чижевского с 1927 г. отпала необходимость в защите магистерской диссертации в Берлине: его конфликт с украинскими коллегами в Праге был мирно улажен, 27 февраля 1927 г. после сдачи работы «Философия на Украине» он был избран профессором философии и заведующим кафедрой философии Украинского педагогического института, а в следующем учебном году стал проректором этого института, в 1929 г. габилитировался по специальности «философия» при Украинском свободном университете в Праге, подав в качестве диссертации работу «Гегель и Французская революция», преподавал там в должности доцента философию и уже после отъезда в Галле в начале 1932 г. получил в УСУ экстраординарную профессию¹⁵. Вместе с тем на рубеже 20–30-х годов начинается постепенное сворачивание «Русской акции» чехосло-

вацкого правительства, а тем самым и деятельности эмигрантских учебных заведений в Праге. В этой связи понятна переориентация Чижевского на немецкие учебные заведения, исследовательские сообщества и периодические издания¹⁶. К 1932 г. он — уже не молодой магистрант, а известный в немецком научном мире историк философии и литературы, автор многочисленных книг и статей по истории украинской, русской и немецкой мысли. Кроме того, в поисках рабочего места в Германии его поддерживали такие авторитеты, как философы Э. Гуссерль и Э. Ротхакер, богослов Ф. Либ, славист М. Фасмер и другие¹⁷. Результатом такого массивного «натиска» на университетское руководство в Галле и в Бонне и личных ходатайств Ф. Либа и М. Фасмера в прусском министерстве образования было избрание Чижевского лектором русского языка в конце 1931 г. в Галле, а в начале 1932 г. — и в Бонне.

Здесь мы впервые в истории отношений Франка и Чижевского сталкиваемся с довольно-таки иррациональной ситуацией: оказывается, на те же самые вакантные места лектора русского языка в Галле и в Бонне накануне закрытия Русского научного института претендовал и Франк¹⁸. О существовании вакантных мест он узнал гораздо позднее Чижевского и конкуренцию с ним проиграл. В этой психологически сложной ситуации Чижевский сделал все от него зависящее, чтобы одно из мест досталось его учителю. Но — по чисто финансовым причинам — русский лекторат в Бонне не был утвержден министерством и вопрос о назначении на него Франка отпал сам собой. В начале 1932 г. Франк предпринимал также попытки устроиться на освобождающееся место профессора восточно-европейской истории в Лейпцигском университете, которое до этого занимал его коллега по Петербургскому университету, германист Фридрих Браун. В Лейпциге Франка знали с 1928 г., когда он уже выступал там с докладом о русском и немецком духовном типе, и с тех пор в лице профессора философии Ханса Дриша имел там авторитетную поддержку¹⁹. Но и это назначение по неизвестным нам причинам не состоялось. Единственным рабочим местом, несколько облегчавшим материальное положение Франка и его семьи, было предоставленное ему по инициативе М. Фасмера место лек-

тора истории русской мысли в Институте славистики Берлинского университета (1930–1933).

С приходом к власти национал-социалистов и без того незавидное положение Франка в Германии становится крайне тяжелым: в апреле 1933 г. его отстраняют от преподавания в Берлинском университете, лишая тем самым последнего регулярного заработка²⁰. Немногие источники, освещающие биографию Франка за 1933–1937 гг., особенно его переписка с Л. Бинсвангером, Ф. Либом и В. Эльяшевичем, полны безрадостных картин материальных бедствий и одиночества как в русской, так и в немецкой среде, перемежающихся с попытками хоть как-то улучшить материальное положение семьи за счет выездных докладов и публикаций в швейцарских, голландских и немецких газетах и журналах. Образ Берлина, как «пустыни», в которой он живет «отшельником», наиболее емко передает самоощущение Франка того времени²¹.

Всех этих тем читатель не найдет в письмах Франка к Чижевскому. Вероятно, их и не могло там быть не только по цензурным соображениям, но и по характеру отношений между корреспондентами: взаимоуважительных, доверительных, но и с сохранением определенной дистанции, связанной прежде всего с разницей в возрасте. Для нас, однако, важен уже сам факт сохранения и углубления этих отношений после 1933 г., когда для Чижевского и его академической карьеры в Германии это было не только небезопасно, но и прямо губительно, поскольку сам он был женат на еврейке и, по тогдашним немецким законам, считался «опороченным еврейскими родственными связями» («jüdisch versippt»), а значит, мог в любое время ожидать увольнения без предупреждения и заключения в концентрационный лагерь. Вопреки этим опасностям, Чижевский продолжал общаться и переписываться не только с Франком, но и с другими коллегами еврейского происхождения (Э. Гуссерлем, А. Гельбом, Э. Утицем и женатым на еврейке исследователем творчества Платона Ю. Штенцелем).

По публикуемым письмам заметно, что вынужденное «отшельничество» Франка в берлинской «пустыне» не имело буквального смысла: были в ней отдельные постоянные «островки» общения (Русский академический союз, Русская право-

славная церковь, Институт славистики), бывали и временные его «оазисы» (немецкие религиозные общества, организовавшие для него выездные доклады, немецкие религиозные журналы, соглашавшиеся печатать его статьи и рецензии на его новые публикации, наконец, возможность поехать в Прагу на VIII Международный философский конгресс), благодаря которым жизнь в Германии до 1937 г. не казалась ему абсолютно беспросветной и бессмысленной.

Вопрос о причинах, заставивших Франка остаться в нацистской Германии до конца 1937 г., и его «круге общения» в эти годы пока остается малоисследованным²², а основные освещающие его источники — неизданными. Это заставляет некоторых исследователей просто выкидывать из его биографии целое пятилетие²³. Ведь все эти «островки» и «оазисы» общения настолько контрастируют с общеисторической обстановкой в Германии, что кажутся почти невероятными и — при невольном напрашивающемся сравнении с судьбами русских мыслителей в советской России — «иррациональными». Этого *подтекста* не следует забывать при чтении писем Франка к Чижевскому. Ведь речь идет об исторической эпохе, когда возможным и «рациональным» оказывался отказ учеников от учителей, детей от родителей, отказ супругов, друзей и близких знакомых друг от друга лишь на том основании, что одна их часть по политическим, идеологическим, классовым, религиозным или расовым соображениям официально объявлялась «изгоями»: людьми вне закона и морали. И тогда «рациональное» и «иррациональное» легко менялись местами, а естественное, нормальное поведение требовало от человека не просто порядочности, но мужества и даже героизма. Именно в этом контексте читается благодарность Франка за посылку денег или его просьба опубликовать в немецких журналах рецензию на сокращенное французское издание «Предмета знания» (1937). Чижевский ответил согласием, но, по неизвестным нам причинам, такая рецензия среди его печатных работ не значится. Во всяком случае, этой причиной не могло быть малодушие ученика Франка, так как в том же году в немецком журнале «Кюриос» («Curios») вышла его рецензия на работу Франка «Пушкин как политический мыслитель»²⁴.

В письмах Франка к Чижевскому отсутствуют многие связывавшие их в эти годы темы, в частности тема переговоров по поводу публикации книги «Непостижимое» в «Серии религиозных русских» швейцарского издательства «Готхельф»²⁵, которую Чижевский в своем послевоенном письме к Франку назовет «философией религии» или «философской системой богословия» и которая была в его личной библиотеке в Галле. Немецкая публикация книги при жизни Франка не состоялась, и первое ее издание вышло на русском языке в Париже в качестве первого выпуска серии «Русская научная библиотека» в 1939 г. Интересно, что второй книгой, изданной по инициативе Франка в этой серии в том же году, была книга Чижевского «Гегель в России». Сам Чижевский, по предписанию гестапо, в это время уже не имел возможности выезжать не только за пределы Германии, но и за пределы города Галле. Поэтому все переговоры о русском издании его основного труда в Париже мог вести только Франк²⁶ и между ними должны были сохраняться какие-то, неизвестные нам, каналы связи. В предисловие к своей книге, датированное 1 октября 1938 г., Чижевский включил довольно смелые для того времени слова: «Книга написана наново в период исторически беспросветный. Если и в такое время книга может найти читателя, который готов бросить хотя бы беглый взгляд на ценности прошлого, то это было бы уже залогом иного будущего»²⁷. На этом эпизоде прерывается история довоенного общения Франка и Чижевского.

Инициатива восстановления контактов после войны исходила от Чижевского, пережившего весь период господства национал-социализма в Галле и в июне 1945 г., незадолго до занятия города Советской армией, бежавшего в Марбург, где ему было предложено возглавить создававшуюся там кафедру славянской филологии. Послевоенная переписка Чижевского и Франка не сложилась. Содержание сохранившихся трех писем не позволяет делать какие-либо опирающиеся на факты выводы о причинах ее прекращения. Судя по теплоте и заинтересованному письму Франка, довольно быстро ответившего Чижевскому, этой причиной не могло быть его недоверие к Чижевскому в связи с внешне благополучной карьерой

последнего в нацистской Германии. Франк по собственному опыту хорошо знал цену этого «благополучия»: жизнь с постоянным страхом за близких, жизнь без уверенности в завтрашнем дне и в ожидании репрессий...

Многое в жизни Чижевского в Галле при нацистах выглядит просто как абсурд и нонсенс. Но непреложным фактом остается то, что этот период — один из наиболее интересных, противоречивых и плодотворных в творческом отношении. Основное его противоречие заключалось в том, что по своим «еврейским родственным связям» и по своим политическим убеждениям он опять, как когда-то в Киеве²⁸, должен был попасть в группу «неугодных», «отверженных» лиц и существование его, как он скажет после войны, было существованием «на грани концентрационного лагеря»²⁹. Почему же Чижевский не попытался покинуть Германию? Ведь было же, как видно из его переписки с Николаевским и Либом, «зондирование почвы» и в Швеции, и в Голландии, и в Чехословакии, и в Швейцарии... Почему он предпочел жить отдельно от жены и дочери и даже не сделал попытки получить визу в США, куда они переехали еще до войны? Почему существование «на грани концентрационного лагеря» в нацистской Германии было для него более приемлемым, чем существование в какой бы то ни было иной, демократической стране?

Ответ на эти вопросы, конечно, весьма сложен. Здесь надо учитывать всю совокупность высказываний Чижевского об этом времени, особенно его письмо к Т. Манну³⁰, в котором немецкая культура того мрачного тринадцатилетия противопоставляется фашистской диктатуре. А в том, что такая культура была не только в среде покинувших Германию немецких эмигрантов, но и в самой Германии, невозможно сомневаться, читая мемуары Чижевского и его учеников³¹. Чижевский был прежде всего ученым и педагогом, глубоко знавшим и искренне любившим немецкую культуру. Поэтому вопрос о том, почему он остался в Германии после прихода нацистов к власти, следовало бы переформулировать в вопрос: как ему удалось в течение этого мрачного тринадцатилетия, не идя ни на какие компромиссы с властями предрежжащими³², не заигрывая ни с какими националистическими эмигрантскими организациями

ми, не афишируя, но и не прерывая своих связей с учеными-евреями, продолжать свою серьезную научную и педагогическую деятельность? Конечно, это было бы невозможно без постоянной поддержки руководства философского факультета, в ведении которого находился русский лекторат, это было бы невозможно и без поддержки часто и с благодарностью упоминаемого Чижевским куратора Галльского университета, доктора Фридриха Тромпа (1875–1954), сумевшего отстоять его, несмотря на прямое предписание прусского министра образования от 17 апреля 1937 г. об увольнении всех чиновников, имеющих еврейские родственные связи³³. Был здесь и значительный элемент случайности и везения: Чижевский неоднократно подчеркивал, что удержаться в университете ему удалось потому, что должность его была незначительной. Он был всего лишь внеплановым служащим, а не государственным чиновником³⁴. Сложись его академическая карьера к тому времени более благоприятно, увенчался она давно заслуженной ординарной профессурой, и он автоматически попал бы в группу «неудобных лиц»: либо из-за еврейского происхождения своей жены, либо из-за скрытой во всех его анкетах принадлежности к российской и немецкой социал-демократии.

Как это ни странно, но настоящая вакханалия абсурда начинается в жизни Чижевского не в гитлеровской Германии, а в Германии послевоенной, демократической, с переездом его в Марбург. Большим ударом для него была утрата личной библиотеки и личного архива, оставшихся в Галле в Восточной Германии и реквизированных у Чижевского без предъявления ему каких-либо конкретных обвинений. Тем самым ученый был лишен не только важнейших источников и архивного аппарата для своей научной работы, но и большинства уже готовых к печати рукописей, написанных за время войны. Несмотря на это, в труднейших послевоенных условиях разрухи и постоянного недоедания, он за короткий срок организует в Марбурге Семинар славистики и библиотеку Семинара, создает славистическое исследовательское общество, в заседаниях которого принимают участие не только его ученики и коллеги с других факультетов, но и иногородние и иностранные ученые (Ф. Либ, В. Зеньковский, Г. Флоровский),

создает информационное бюро с межбиблиотечной карто-текой славянских изданий, имевшихся в Марбурге, выступает по всей Западной Германии с выездными докладами и лекциями, публикует ряд фундаментальных трудов. Под его руководством в Марбурге защищают кандидатские диссертации три ученика. Но в результате доносов и интриг университетских коллег, закулисного влияния американских спецслужб, скандала с гессенским министром культуры, публично объявившим Чижевского в прессе «шпионом», «коммунистом» и «неквалифицированным славистом»³⁵, последний не получает предложенных ему кафедр ни в Марбурге, ни в ряде других немецких университетов (Франкфурт, Мюнстер) и по настоянию Р. Якобсона, В. Зеньковского и Б. Николаевского покидает Германию, приняв осенью 1949 г. приглашение Гарвардского университета. Описывая впоследствии причины, побудившие его уехать в Америку, он вынужден был с горечью признать: «Решающий вопрос заключается в том, что я — политически преследуемый», но не столько в Третьем рейхе, сколько в демократической Германии»³⁶.

В послевоенных письмах Чижевского к Франку эти события лишь намечаются, он не теряет присутствия духа и юмора, хотя изображаемые им картины послевоенной жизни в Германии далеки от радужных, а личная его судьба полна трагизма, лишений и безуспешной борьбы за утверждение своего положения в Марбурге. Прекращение переписки с Франком могло быть связано с тем, что одним из главных противников Чижевского в Марбурге оказался немецкий богослов Фридрих Хайлер, которого Франк в своем последнем довоенном письме к Чижевскому называет «личным другом». Чижевскому же стало точно известно, что именно Хайлер распространял в гессенском министерстве просвещения слухи о его принадлежности к коммунистам. Намек на это уже содержался в последнем письме Чижевского, и он мог оскорбить Франка, очень ценившего Хайлера как ученого и человека, не побоявшегося опубликовать статьи Франка в своем журнале после прихода к власти нацистов.

После смерти Франка Чижевский в течение 50-70-х годов переписывался с его женой по поводу издания наследия

С.Л. Франка. Эта обширная переписка содержит множество интересных воспоминаний и фактических указаний о жизни и творчестве Франка, лишь в незначительной части использованных нами в предисловии и примечаниях к настоящей публикации. Более 100 писем Т.С. Барцевой-Франк к Чижевскому, хранящихся в его гейдельбергском личном архиве, — подлинный гимн любви и беззаветного служения памяти С.Л. Франка, без которых значительная часть его наследия осталась бы неизвестной современному читателю.

По просьбе вдовы философа Чижевский написал одну из лучших статей для сборника его памяти³⁷, активно занимался изданием его сочинений и пропагандой его творчества в Германии, был инициатором и редактором второго немецкого издания «Русского мировоззрения» (Дармштадт, 1967), второго русского издания «Непостижимого» (Мюнхен, 1971) и второго русского издания «Предмета знания» (Лондон, 1974). В благодарность Т.С. Франк подарила ему рукопись книги С.Л. Франка «С нами Бог. Три размышления»³⁸ и машинопись книги «Реальность и человек»³⁹ с авторской рукописной правкой, хранящиеся сегодня в собрании рукописей и автографов Чижевского в Гейдельбергском университете и символически напоминающие исследователям творчества Франка о духовной связи этих двух мыслителей.

Все русские письма и открытки С.Л. Франка написаны по старой орфографии. Рукописные автографы довоенных его писем и открыток к Чижевскому хранятся в личном архиве Д.И. Чижевского при Институте славистики университета городов Галле и Виттенберга (Tschi I. Hängemappen 11/6-11/17)⁴⁰, рукописные автографы послевоенных писем С.Л. Франка к Д.И. Чижевскому хранятся в личном архиве Д.И. Чижевского в отделе редких книг и рукописей Гейдельбергской университетской библиотеки без идентификационного номера под сигнатурой «Tschi II. Heid. Hs. 3881. Abteilung C, Buchstabe F», автографы трех машинописных писем Чижевского к Франку хранятся среди материалов С.Л. Франка и Т.С. Франк в Бахметевском архиве русской и восточно-европейской истории и культуры при Колумбийском университете в Нью-Йорке («The Rare Book and Manuscript Library, Columbia University,

Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture in New York. S.L. Frank Papers»). Стилистические особенности эпистолярного наследия Чижевского (например: «кой-кто», «наилучшие пожелания» и т.д.) оставлены без изменений.

В заключение хочется выразить глубокую признательность владельцам, хранителям и авторам использованных в работе источников, особенно Ангеле Рихтер и Армину Шлехтеру за предоставление материалов из личных архивов Чижевского в Галле и в Гейдельберге, Марку Раеву и Татьяне Чеботаревой за предоставление материалов Франка и Чижевского из Бахметевского архива в Нью-Йорке, Людольфу Мюллеру за материалы из его личного архива в Тюбингене, Рону Булатову за материалы Чижевского из коллекции Б.И. Николаевского в Стэнфорде, Ирине Валявко и Николаю Плотникову за копии писем Чижевского к Г.В. Флоровскому и С.Л. Франка к Л. Бинсвангеру, а всем вышеупомянутым лицам за любезное разрешение упоминания и публикации этих материалов в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Письмо Д.И. Чижевского к Т.С. Франк от 26 марта 1954 г. // The Rare Book and Manuscript Library, Columbia University. Bakhtmeteff Archive of Russian and East European History and Culture in New York (далее – Bakhm.). T. Frank Papers.

² Письмо Т.С. Франк к Д.И. Чижевскому от 1 апреля 1954 г. // Universitätsbibliothek Heidelberg, Nachlass Tschizewskij (далее – Tschizewskij), Нs. 3881. С/Е.

³ Письмо Д.И. Чижевского к Т.С. Франк от 17 сентября 1954 г. // Bakhm. T. Frank Papers. В своем предположении об отъезде Франка за границу весной Чижевский оказался прав: Франк уехал с семьей в Германию только в мае 1913 г. А относительно вступительной лекции, напечатанной в «Русской мысли», корреспонденты явно имели в виду разные события: Чижевский – вступительную лекцию Франка как приват-доцента Петербургского университета (Нравственный идеал и действительность // Русская мысль. 1913. № 1. С. 1–18), Т.С. Франк – вступительную речь при защите магистерской диссертации (Кризис современной философии // Русская мысль. 1916. № 1. С. 33–40). Ссылку Чижевского на работу Франка «Нравственный идеал и действитель-

ность» как вступительную лекцию в Петербургском университете см.: Чижевский Дм. С.Л. Франк как историк философии и литературы // Сборник памяти Семена Людвиговича Франка / Под ред. прот. о. Василия Зеньковского. Мюнхен, 1954. Примеч. к с. 164.

⁴ V.I. Nicolaevsky Collection in the Hoover Institution Archives, Stanford University. Box 127. Folder ID 16.

⁵ Шалимов П. Н.О. Лосский. Письма к С.Л. Франку и Т.С. Франк (1925, 1945–1950) // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник, 1997 / Отв. ред. М.А. Колеров. СПб., 1997. С. 263.

⁶ Проследим хронологическую канву событий, связанных с русской магистерской диссертацией Чижевского, по его письмам к Г.В. Флоровскому (курсив наш. — В.Я.):

5 сентября 1926 (Церинген): «Я, впрочем, еще не знаю, останусь ли я в Праге. По моим настроениям, если останусь, то буду рассматривать это как большое несчастье. Но и здесь что-то ничего хорошего (приличной и не слишком мне далекой работы) не находится пока. Есть кое-какие перспективы в Дрездене и в Берлине, но боюсь, что и из них ничего не выйдет. В ноябре начну магистерский экзамен. Здесь все время почти что только на него и уходит. Много приходится делать довольно неинтересной и “не-стоющей” работы. — Во всякого рода собственных работах далеко не пошел. А в Праге из-за отсутствия книг обычно у меня — почти полный застой. <...> “Умозрительных” впечатлений у меня, к сожалению, сейчас мало (в связи с магистерским экзаменом). <...> В Прагу я приеду к 2 октября, <...> а в ноябре уеду в Берлин и <...> останусь в Германии».

16 апреля 1927 (Прага): «Экзамен я начну в конце мая, т. к., по предложению Правления Союза Рус<ских> Академических Организаций за границей, в экзаменационную комиссию включен еще Н.О. Лосский, который будет в Берлине только в конце мая. Сейчас всецело занят делами экзаменационными».

19 ноября 1927 (Прага): «Я до 20. X пробыл в Германии. Много поработал. К сожалению, часть рукописей у меня по дороге украли. Придется многое переделывать вторично, а — в частности — отложить 2-ую половину магистерского экзамена до весны».

18 мая 1928 (Прага): «Сейчас занят, главным образом, писанием большой работы об основоположениях этики, которую, вероятно, отлитографирую в качестве диссертации».

25 июля 1928 (Церинген): «Мои главные темы сейчас — формальная этика (заметка для Сборника Нар<одного> Университета и магистерская диссертация), обработка (немецкая) ряда докладов о Достоевском и докладов на другие темы...».

10 октября 1928 (Церинген): «...приготовил материал для одной из центральных глав моей книги о форм<альной> этике, а именно – “метафизику пространства и времени”. Все это надеюсь в ближайшее время напечатать».

31 октября 1928 (Прага): «Я написал за последний месяц статью “Метафизика пространства и времени”. Собираюсь печатать».

<Без даты, конец 1928?>: «Сейчас готовим для 2-го т. Сборника Нар<одного> Унив<ерситета> небольшой философский отдел (статьи Гессена – о диалектике, Каткова – отрывок из его диссерт<ации> и моя – “Представитель, знак, понятие, символ” – в виде конспекта центральной части моей диссертации. Ваше отношение к этой теме меня будет очень интересовать)».

20 января 1930 (Прага): «Для русского “Формализма в этике” безуспешно ищу издателя. “Современные” Записки” (издательство) почти что отказало, – во всяком случае их условия меня не привлекают».

7 апреля 1931 (Ремерштадт): «Летом, вероятно, снова вернусь во Фрайбург, если удастся устроиться материально. Иначе придется проживать где-нибудь здесь в провинции, где, правда, жить очень дешево, так что просуществую без больших затруднений – и на время перейду от истории философии к систематической философии: правда что печататься пока нигде» (Princeton University Library. Department of Rare Books and Special Collections. Georges Florovsky Papers. C 0856. Correspondence. D. Chizhevsky Letters. Box 12. Folder 11–13; Box 13. Folder 2–3).

⁷ Помимо Г.В. Флоровского, о ней знал учитель Чижевского по Киевскому университету В.В. Зеньковский, кратко упомянувший ее в своей «Истории русской философии»: «Очень плодovit и имеет огромные заслуги в разных областях исторического изучения философии (русской, украинской, чешской, немецкой) Д.И. Чижевский. Он написал несколько философских этюдов по логике, этике, философии языка и философии истории. Но все это лишь материалы для некоей “чаемой” системы, которая лишь чувствуется в этюдах Чижевского. <...> К систематическим построениям имеют отношение этюды “О формализме в этике”, “Логика и этика”» (Зеньковский В. В., прот. История русской философии. Париж, 1950. Т. 2. С. 460). В личном архиве Чижевского в Галле нашлись пока только материалы к этой диссертации, разбросанные по разным папкам: так, в папке № 40 (ед. хр. 1) имеются статьи «Пространство, время, Бог, микрокосмос» (17 стр.) и «Проблема конкретности в современной философии»; в папке № 41 (ед. хр. 2) – статья «Знак, понятие, символ» (25 стр.); в папке № 42 (ед. хр. 1) – статья «Вопрос “почему” и связи. Типы причинности» (9 стр.), (ед. хр. 3) – статья «О национальных формах этики» (7 стр.), статья на

чешском языке «Современный кризис этической теории» (6 стр.), статья «Проблема формальной этики. К проблемам бытия и долженствования» (46 стр.), статья на украинском языке «Современный кризис в этике» (33 стр.), статья «К кризису современного нравственного сознания» (ед. хр. 4) — заметки об этике (11 стр.), (ед. хр. 5) — статья «К проблеме двойника у Достоевского (из книги о формализме в этике)» (46 стр.).

⁸ Чижевский Д. О формализме в этике: Заметки о современном кризисе этической теории // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1928. Т. I. С. 195–209; Проблема формальной этики: Тезисы доклада / Сост. Д. Чижевского // Философское общество в Праге, 1927–1928. Прага, 1928. С. 9–11; Представитель, знак, понятие, символ: (Из книги о формальной этике): Тезисы доклада // Там же. С. 20–24; К проблеме двойника: (Из книги о формализме в этике) // О Достоевском: Сб. статей / Под ред. А.Л. Бема. Прага, 1929. Т. I. С. 9–38; Schiller und die «Brüder Karamazov» // Zeitschrift für slavische Philologie, 1929. Bd. 6. H. 1–2. S. 1–42; Этика и логика: К вопросу о преодолении этического «формализма» // Научные труды Русского народного университета в Праге. Прага, 1931. Т. IV. С. 222–240.

⁹ Не исключено, что выбор темы диссертации (кризис современного нравственного сознания и его отражение в этике) и не исторического, а систематического плана ее рассмотрения, связанного с примерами из истории русской литературы, был сделан именно под влиянием Франка и его размышлений над книгой М. Шелера «О формализме в этике». Самого Чижевского еще со времени обучения его во Фрейбурге все-таки более привлекали исторические темы, особенно история русского гегельянства.

¹⁰ Феноменологический метод описания явлений, приверженцем которого Чижевский себя открыто признавал.

¹¹ Попытка соединения в феноменологическом анализе не только гносеологии и онтологии, но и этики и онтологии, причем Чижевский, выдвигая проблемы онтологии на первый план, всегда справедливо подчеркивал преимущество исследований Франка («Предмет знания», 1915) перед работами немецких философов (Н. Гартмана, М. Шелера и М. Хайдеггера).

¹² Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materielle Wertethik: ein neuer Versuch der Grundlegung eines ethischen Personalismus. 2. Aufl. Halle, 1921. Буквальное совпадение названия незавершенной магистерской диссертации Чижевского с этой книгой Шелера вряд ли случайно: она имела в его личной библиотеке в Галле и в ней уже были сформулированы основные проблемы, рассматри-

ваемые в диссертации Чижевского. — См.: Dmitrij I. Tschizewskij und seine Hallesche Privatbibliothek. Bibliographische Materialien / Hrsg. A. Richter // Slavica Varia Halensia. Münster etc.: Lit-Verlag, 2003. Bd. 8. S. 101.

¹³ В «Современных записках» Чижевский опубликовал пространную рецензию на отдельное немецкое издание этого доклада (1927. № 33. С. 534–537).

¹⁴ См.: Dmitrij I. Tschizewskij und seine Hallesche Privatbibliothek... S. 65.

¹⁵ Вопрос об ученых степенях Чижевского достаточно запутан. Его академическая карьера в Украинском высшем педагогическом институте им. Драгоманова в Праге известна не только по многочисленным автобиографиям, но и по справке данного института, приложенной к предзащитной документации Чижевского в его личном деле в университете города Галле (см.: Universitätsarchiv Halle (далее — УАН). Rep. 21. № II. 228, а также: Янцен В. Дмитрий Чижевский в Германии (из архивов Галле) // Философская и социологическая мысль. 1992. № 12. С. 89–90). Строго говоря, к немецкой кандидатской диссертации (Doktor der Philosophie) приравнивалась уже его дипломная работа «О философском развитии Шиллера» (1919) в Киевском университете, так как он получил за нее диплом первой степени. В 1932 г., после его переезда в Галле, прусским министром народного образования ему было разрешено носить титул «бывший профессор Украинского высшего педагогического института в Праге» и иначе как «профессором» никто из его коллег и учеников его в Галле не называл. Но обе пражские защиты Чижевского признаны в Германии не были (из-за отсутствия подтверждающих их дипломов) и в 1933 г. по предложению своего шефа в Галле, индогерманиста Ф. Шпехта, Чижевский сдает кандидатский минимум по философии, славянской филологии и истории церкви, защищает диссертацию «Гегель в России», а 10 января 1935 г. получает свой немецкий докторат и диплом (Doktor der Philosophie, по славянской терминологии — ученую степень кандидата философских наук). Габилитационной работы Чижевский в Германии не защищал, что объясняется исключительно обстоятельствами военного времени (см.: Янцен В. Дмитрий Чижевский в Германии... С. 93).

¹⁶ Он становится сотрудником Немецкого общества славянских исследований и Лингвистического кружка в Праге, соучредителем и членом правления Международного Гегелевского союза в Гааге, соредктором авторитетного немецко-швейцарского журнала «Архив фюр Гешихте дер Философи» («Archiv für Geschichte der Philosophie»), основанного в 1887 г. В. Дильтеем, Б. Эрдманном и Э. Целлером, сотрудником немецкоязычных журналов «Цайтшрифт фюр славише Филологи», «Дер руссисше Геданке», «Славише Рундшау», «Германославица», «Ориент унд Окци-

дент» («Zeitschrift für slavische Philologie», «Der russische Gedanke», «Slavische Rundschau», «Germanoslavica», «Orient und Occident»), газеты «Прагер Прессе» («Prager Presse») и других. Если с 1912 до 1929 г. у Чижевского были всего 3 немецкие публикации из 79 книг, статей и рецензий, то в 1929 г. на 9 русских, 5 украинских, 5 чешских и 1 французскую публикации приходится уже 17 немецких, а в 1931 г. — 27 немецких из общего числа в 43 публикации за этот год. Та же тенденция наблюдается и в последующие годы: количество немецкоязычных публикаций неизменно доминирует над публикациями на иных языках.

¹⁷ Из рекомендации М. Фасмера: «Этого человека я считаю во всех отношениях достойным занятия данной должности. Если бы его удалось привлечь в Галле, то славянская философия и история литературы преподавались бы у Вас на таком уровне, которому Вам мог бы позавидовать любой германский университет» (см.: УАН. Personalakte № 15162, а также: Я н ц е н В. Дмитрий Чижевский в Германии... С. 86). Из рекомендации Э. Гуссерля: «До меня дошли сведения, что мой бывший ученик украинско-русского происхождения доктор Чижевский подал прошение о занятии галльского лектората славянских языков. Я позволяю себе обратить внимание Ваше и всего круга коллег, интересующихся философией культуры, с которым несколько месяцев назад я имел возможность познакомиться поближе, на эту необычайную личность. Это основательнейше образованный, самостоятельно мыслящий философ, исходя из своей славистики, увлеченный преимущественно Гегелем, и в то же время находящийся под влиянием феноменологии, при этом характеризующийся достойной удивления широтой учености, охватывающей различные области культуры. Не болтун! — спокойный, обращенный внутрь себя человек, который не только воспринимает, но и перерабатывает, у которого охотно учишься. Надежный друг Германии и ее науки» (см.: УАН. Personalakte № 15162, а также: Я н ц е н В. Дмитрий Чижевский в Германии... С. 86). Немецкий исследователь биографии Чижевского В. Кортхаазе называет еще четырех немецких ученых не-славистов, принявших участие в устройстве Чижевского в Бонне: экономистов Г. Брифса и Э. Ледерера, философа и психолога З. Бенна, физика Г.М. Конена. — См.: K o r t h a a z e W. Dmitrij Tschizewskij — ein Philosophiehistoriker wird Lektor der russischen Sprache // In memoriam Dmitrij Tschizewskij (1894–1977) / Hrsg. A. Richter. Halle, 1997. S. 38.

¹⁸ См. публикацию переписки Франка и Либа: Я н ц е н В. Письма русских мыслителей в базельском архиве Фрица Либа // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 2001–2002 годы / Под ред. М.А. Колерова. М., 2002. С. 432–518, особенно: С. 501–509.

¹⁹ Там же. С. 504.

²⁰ См.: Франк С.Л. Предсмертное. Воспоминания и мысли // Вестник РХД. 1986. № 146. С. 117.

²¹ Из первого письма С.Л. Франка к Л. Бинсвангеру от 30 ноября 1934 г. См.: Historisches Archiv der Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen. Briefwechsel zwischen S.L. Frank und L. Binswanger (1934–1950).

²² См.: Буббайер Ф. С.Л. Франк: Жизнь и творчество русского философа. М., 2001. С. 181–186.

²³ См.: Некрасова Е. Н. Семен Франк // Вече: Альманах русской философии и культуры. СПб., 1995. Вып. 2. С. 98.

²⁴ Šuževský D. S. Frank. Puškin kak politiceskij myslitesl' // Kyrios, 1937. Bd. 2. H. 4. S. 349–350.

²⁵ Первым томом, вышедшим в этой серии, была книга Степуна «Лик России и лицо революции», изданная в 1934 г. Вторым томом вышла в 1935 г. книга Бердяева «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики». В план серии были также включены, но не вышли: «Г.С. Скворода» Д.И. Чижевского, «Непостижимое» С.Л. Франка, «Христология» о. Сергия Булгакова, «Пути русского богословия» Г.В. Флоровского, а также книги Б.П. Вышеславцева, Л.И. Шестова и А.М. Ремизова. См.: Письмо Н.А. Бердяева к Ф. Либу от 25 ноября 1932 г. / Янцен В. Письма русских мыслителей в базельском архиве Фрица Либа. С. 321–325.

²⁶ Судьба первого русского издания «Непостижимого» описана в письме Т.С. Франк к Чижевскому от 26 апреля 1966 г.: «Конечно, я имею все права на книгу “Непостижимое”, потому что она была издана “Русской научной библиотекой”. Кажется мне, что она была первой, второй была издана книга Эльяшевича о земельной собственности и затем закончилась издательская деятельность “Русской научной библиотеки”. Книга попала к некому Каплану — человеку явно недобросовестному, никаких прав на книгу у него нет, единственно чем он владел — это гонораром от продажи книги... Она, кажется, не попала ни в одну библиотеку, наступила война, и она разошлась по частным рукам» (Tschl П. Нs. 3881, Abt. C/F). В ответном письме от 1 мая 1966 г. Чижевский несколько уточняет это описание: «В “Русской научной библиотеке” вышла еще моя книга “Тегель в России”, также ставшая крайне редкой: в Швеции она переиздана, как микрофильм. Книги “Русской научной библиотеки”, действительно, пропали (они были “на складе” у еврея, который был немцами “ликвидирован”) — остались те экземпляры, что были в руках книготорговцев, в частности, в Америке. Пропали и рукописи... Первая книга серии была как раз моя — “Тегель в России” (фак-

тическая ошибка — она была второй книгой серии. — В. Я.) — ее там устроил как раз Семен Людвигович» (см.: Bakhm. T. Frank Papers).

²⁷ Чижевский Д. Гегель в России. Париж, 1939. С. 6.

²⁸ См.: Янцен В., Валявко И. Воспоминания Д.И. Чижевского о деятельности меньшевиков на Украине (1919–1920). Малоизвестные страницы биографии ученого // Die Welt der Slaven. 2001. № XLVI. S. 155–178; Васильева М. А. Д.И. Чижевский в «Социалистическом вестнике» // Dmytro Čyževskij, osobnost a dílo. Sborník příspěvků z mezinárodní konference pořádané Slovanskou knihovnou při Národní knihovně ČR, Slovanským ústavem AV ČR, Filozofickým ústavem AV ČR a Ústavem pro českou literaturu AV ČR 13.–15. června 2002 v Praze / Redakce sborníku: Z. Rachůnková, F. Sokolová a R. Šišková (SIÚ AV ČR). Praha, 2004. S. 395–405.

²⁹ В своем первом послевоенном письме к Ф. Либу от 2 июля 1945 г. Чижевский пишет: «После того, как в течение 6 лет я находился на грани концентрационного лагеря, стал теперь беженцем или почти беженцем» (Universitätsbibliothek Basel. Nachlass F. Lieb. 043, Aa 282, 80).

³⁰ См.: Кортхаазе В. Дмитрий Чижевский и Родина его выбора — Германия. Берлин, 2003. С. 15–23. См. также нашу публикацию этого письма, полного оптимизма, надежд и готовности участвовать в восстановлении демократической Германии, ее культуры и системы высшего образования: Янцен В. Письмо Д.И. Чижевского Томасу Манну: к истории несостоявшегося диалога // Записки русской академической группы в США. Нью-Йорк, 2003. № XXXII. С. 305–321.

³¹ Tschizewskij D. Wie ich die Handschriften der Pansophie fand / / D. Tschizewskij. Kleinere Schriften II: Bohemica. Mit einem Anhang von D. Gerhardt. München, 1972. S. 215–222; Gerhardt D. Erinnerungen an D.I. Tschizewskij // In memoriam Dmitrij Tschizewskij (1894–1977). S. 8–18; Мюллер Л. Понять Россию: Историко-культурные исследования. М., 2000. С. 21–25, 396–398.

³² Несмотря на постоянный надзор гестапо, Чижевский принимает участие в антифашистских кружках в Галле, распространяет запрещенную литературу, поддерживает заключенных концентрационных лагерей, оказывает материальную помощь евреям, чехам и полякам, вывезенным на принудительные работы в Германию. См.: Čyževskij D. Addendum // Harvard Ukrainian Studies. Cambridge (Mass.), 1977. Sept. Vol. 1, № 3. P. 405–406.

³³ См.: УАН. Реп. 21. № 76.

³⁴ См. письмо Д.И. Чижевского профессору Э. Отто от 3 февраля 1959 г. (Tschizewskij D. Hs. 3881. Abteilung C/I).

³⁵ См.: Märchen aus 1001 Nacht. Eine Erwiderung des Kultusministers Dr. Stein // Frankfurter Rundschau, vom 12. März 1949.

³⁶ Черновик письма Д.И. Чижевского к профессору Э. Отто от 3 февраля 1959 г. // Tschì II. Heid. Hs. 3881. Abteilung C, Buchstabe O. В окончательном варианте письма это место предстало в более смягченной формулировке: «Решающий вопрос заключается в том, что я – “политически преследуемый”, но, собственно говоря, в демократической Германии». В полемике с гессенским министром культуры Э. Штайном Чижевский писал: «Возмутительно, что в демократическом Гессене мне снова приходится сталкиваться с теми же самыми методами, с которыми я уже познакомился трижды в моей жизни: со стороны царской полиции, со стороны большевистского ЧК и со стороны гестапо» (Um den Marburger Slavistischen Lehrstuhl. Prof. Dr. D. Tschìzewskijs Antwort an den Kultusminister // Marburger Presse vom 14. März 1949).

³⁷ См.: Чижевский Дм. С.Л. Франк как историк философии и литературы. С. 157–174.

³⁸ Tschì II. Heid. Hs. 3881. D 207.

³⁹ Ibid. D 204.

⁴⁰ Материалы С.Л. Франка были найдены и переписаны нами в этом архиве в 1991 г. Среди них была еще одна, совсем краткая открытка из Берлина от 5 января 1935 г., в которой Франк сообщает только еще раз номер дома, где помещалась русская церковь на Nachodstrasse, 10, и, прощаясь, пишет: «До встречи!» (Ед. хр. 11/6). Получив недавно снова разрешение на работу в закрытом пока еще архиве Чижевского в Галле, мы с ужасом обнаружили, что почти вся его переписка – в том числе и письма С.Л. Франка – и многие оттиски его статей, содержащиеся в папках с № 1–21, бесследно исчезли из архива. «Рационального» объяснения этой пропажи ценных исторических источников, не уничтоженных, но сохраненных даже в условиях ГДР, когда они были под идеологическим запретом, пока нет, и нам остается только надеяться, что в ходе давно намеченной каталогизации архива утраченные материалы все-таки найдутся.